

MODERN PROSE

Читайте книги ЕМЕЛЬЯНА МАРКОВА:

Волки купаются в Волге

Третий ход

Маска

Астра

Списание

ЕМЕЛЬЯН МАРКОВ

СПИСАНИЕ

Москва

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
М26

Роман издается в авторской редакции

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберיום»

Миссия «Флоберiums» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Марков Е.

М26 Списание / Е. Марков. — М.: Флоберיום / RUGRAM,
2022. — 340 с. — (Modern Prose).

Москва и Санкт-Петербург. Жена и любовница. Писатель и его двойник. Книга о бывшем клоуне, а ныне библиотекаре, ощутившем себя резидентом, двойником и писателем. Главный герой ищет в библиотеке связную для прояснения собственного, непостижимого для него спецзадания. Сам того не желая, он все же постоянно возвращается к клоунаде, причем в самых для этого неподходящих ситуациях, как то: любовь, дружба, супружеский долг, исполнение служебных обязанностей.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91804-1

© Емельян Марков, текст, 2022
© Александр Кудрявцев,
дизайн обложки, 2022
© ООО «Флоберיום», 2022
© RUGRAM, 2022

Моя родина там, где моя библиотека.

Эразм Роттердамский

Москва — порт пяти морей.

Сталин

1.1

Я искал связь с Центром. Оттуда должны были прислать связную, для того чтобы мы с ней создали легенду, для которой всё было готово. Шпион без легенды способен свалиться на самое дно. Не лечь, а свалиться. Возле церковных ворот можно наблюдать таких шпионов. Диоген Синопский говорил, что калекам подают, а философам нет, потому что калекой рискует стать всякий, риск же стать философом обычно сводится к нулю. Вопрос повисает: всякий ли способен стать шпионом? К шпионству склоняет как раз дефицит легенды. Если у человека уже есть легенда, шпионство ему ни к чему. Но если и в шпионство пал, но легенду все равно не обрел, это проблема. Поиск легенды гонит к церковным воротам вместе с покоробленными листьями. Поиск легенды вроде попутного ветра. Возле церковных ворот каждый становится живой легендой. Не калекам, а просто нищим без видимых увечий подавать заманчивее. Милостыня легендарна. Одновременно стать живой легендой бояться, откупаются от этой перспективы мелочью, оставляют эту честь нищим. Хотя нищие — сплошь провалившиеся шпионы. Все про них знают, что они шпионы. Казалось бы, кто мне мешал создать легенду? Но

я к тому же не помнил пароля. Если бы там, в Центре, знали, с кем связались! Проблема еще в том, что я сам уже не хочу быть шпионом. Надеюсь, что обо мне как-нибудь там, в Центре, забыли, что мои услуги им больше не нужны. Каково мое задание? Я толком не знаю, каково мое задание. Не помню ни задания, ни пароля. У меня ужасная память. Она меня постоянно ужасает, ужасает днем, ужасает ночью.

Когда я работал сторожем храма, на меня постоянно выходили. И не только в храме. Я тогда не понимал, что бы это значило. Мы с приятелем моим Глебом Жокиным пили пиво с утра в кафе. Вот подступает ко мне совершенно отчаянная с виду женщина. Говорит сначала моему приятелю: «Ты отойди! Ты мне не нужен. А вот он...» — и смотрит на меня внимательно. Плотная, коренастая, в мужском плаще, с короткой стрижкой, широким лицом, огромными черными глазами. Что она во мне различила, что у меня было словно бы на лбу написано? Какой пароль? Только рассказала мне она, что мать свою из окна спихнула. Я ей что-то пытался советовать. Но ей не советы от меня нужны были. Я советую, а она смотрит пристально и не очень-то слушает. Потом отошла.

Приятель меня успокоил:

— Тетка явно не при делах. Да и брешет, похоже. Было бы на самом деле, ничего она бы тебе тут сливать не стала. Или с головой не дружит, или понравиться тебе захотела. Хотя одному другое не помеха.

— Понравиться? — изумился я.

— Ну да, дамы чувствуют, чем тебе можно угодить. А такие вот, с заскоком, этого даже хотят.

— То есть она мне сейчас угодила?

— А то. Вон ты в какой восторг пришел.

— В восторг?

— Ну да, — поморщился приятель.

Думаю, он приревновал, ему хотелось, чтобы эта странная женщина ему захотела понравиться таким вот диким способом.

1.2

Долгое время я утверждал, что могу дать женщине небывалое. Какое-то небывалое счастье. Первой в своей способности дать огромное счастье я признался малознакомой девушке со старшего курса циркового училища. Даже не знаю, кем она была, возможно, жонглершей, но точно не клоунессой.

Хотя я всегда идеализировал клоунесс. Первой моей женщиной была клоунесса. Конечно, она оказалась не клоунессой по призванию, а просто заводной девчонкой, она ушла на первом же курсе, бросила разом и меня и училище. Связавшись со мной, она поняла, что такое клоун и что такое цирк, и, как поняла, сразу ушла.

Другая полупрозрачная клоунесса была моей подругой. Мы пытались с ней что-то придумать, но сразу начинали смеяться: ну какие мы любовники? А почему нет? Мы сами не понимали, но взаимная клоунская нежность не пускала нас друг к другу. Мы не могли осквернить то цирковое чудо, которое объединяло нас. Правда, эта полупрозрачная клоунесса тоже ушла из училища, ушла горестно и обрадованно одновременно. Клоунесса уходит без последствий, была она, и нет ее, и больше она не появится никогда, и это